

чившие полного разрешения и в настоящее время.

1. Проблема словосочетания, поставленная и разработанная на богатом языковом материале Ломоносовым (стр. 16—25), Кургановым (стр. 37—44) и Барсовым (стр. 71—81), была теоретически углублена Копанским (стр. 107—114) и особенно Востоковым, раскрывшим внутреннюю систему глагольных и именных словосочетаний (стр. 172—186).

2. Теория предложения, тесно связанная у Ломоносова (стр. 26) и Барсова (стр. 51—58) с логической теорией суждения, теряет самостоятельное значение у сторонников «логического» направления в понимании предложения (Греча, Давыдова). Однако уже у Востокова отмечается стремление вскрыть собственно грамматические признаки предложения (стр. 166—172). В концепции Буслаева осуществляется разрыв между логической и грамматической точками зрения на предложение. Выдвинутое Потемной учение о *minimum'e* предложения не удовлетворяет противников логической грамматики (Дмитревский). Новую попытку построить собственно грамматическую теорию предложения делает Сланский (стр. 305—329).

3. Вопрос о структуре простого предложения и выделении в нем главных и второстепенных членов получил первый опыт теоретического разрешения в учении Барсова о неописанных и описанных терминах подлежащего и сказуемого. Попытка более углубленного развития проблемы структуры предложения отмечается в рассуждениях Сланского о грамматическом и смысловом членении предложения.

4. Вопрос о формах выражения составного сказуемого, поставленный Востоковым и Билярским (стр. 167—170), получает глубокую разработку в исследовании Потемной.

5. Проблема выражения подлежащего в связи с анализом природы безличного предложения, оживленно дебатировавшаяся в 60—70-е годы в работах Говорова, Новиковского, Классовского, Дмитриевского, Милويدова, Грота (стр. 266, 270—271, 284—295), была в дальнейшем формально снята разграничением односоставных и двусоставных предложений в «Синтаксисе» Шахматова.

6. Вопрос о структуре сложного предложения, поставленный еще Барсовым, Никольским и Якобом, получил затем односторонне-схематическое разрешение у Греча (стр. 153—159), Давыдова (стр. 216—220) и Буслаева (стр. 238—241). Попытки поставить этот вопрос на почву свободного от «логических» шор синтаксического анализа отмечены у Беляевского (стр. 269—270) и Глаголевского (стр. 278—279). В исследовании Корша «Способы относительного подчинения» проблема развития типов сложного предложения двдвигается в широкий контекст сравнительно-типологического синтаксиса (стр. 366—368).

7. Общая проблема соотношения морфологии и синтаксиса, поднятая еще Калайдовичем (стр. 114—116), получила новую постановку у Аксакова, отчетливо ограничивавшего морфологию как учение о формах от синтаксиса как учения о функциях форм, а под его воздействием у Некрасова и его последователей приняла характер резкого противопоставления «этимологических» форм синтаксическим (стр. 254—257, 260—263).

Книга В. В. Виноградова, представляющая собой первую половину специального курса автора по истории изучения русского синтаксиса, заполняет давно ощущавшийся пробел в истории русской синтаксической науки. Она помогает исследователям русского синтаксиса критически пересмотреть целый ряд понятий (словосочетание, предложение, подлежащее, сказуемое, второстепенные члены предложения, сложное предложение) со стороны вкладываемого в них традицией содержания и охватываемого ими объема, уяснить сложившееся исторически употребление этих понятий и вскрыть в них «результаты разновременных влияний, которые теперь трудно в них узнать, потому что отличительные черты их сглажены в течение времени своеобразным или неотчетливым словоупотреблением» (Билярский).

Следует пожелать, чтобы вторая часть специального курса В. В. Виноградова по истории изучения русского синтаксиса в 80—90-е годы в до- и послеоктябрьский периоды XX в. была в скорейшем времени опубликована.

Н. С. Поспелов

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Вопросы истории восточнославянских литературных языков привлекают к себе в последнее время все более пристальное внимание исследователей. Акад. В. В. Виноградов в докладе на IV Международном съезде славистов справедливо заметил, что «вопросы образования и развития литературных языков в настоящее время относятся во всем мире к числу актуальнейших проблем современного языковна-

ния»¹. В связи с этим следует положительно оценить появление в последние годы новых обобщающих работ по истории восточнославянских литературных языков. Значительную активность в изучении исто-

¹ В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958, стр. 24—25.

рип литературного языка проявляют украинские исследователи. Так, в 1956—1957 гг. коллектив сотрудников Института языкознания АН УССР под руководством действующего члена АН УССР И. К. Белодеда опубликовал в виде серии выпусков «Курс истории украинского литературного языка» — учебное пособие для студентов-заочников пед. институтов¹. В 1958 г. этот курс с незначительными изменениями вышел отдельной книгой, охватывающей историю украинского литературного языка с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции². В этом же году опубликованы «Очерки» П. П. Плюща, дающие систематическое изложение истории украинского литературного языка с древнейшей поры до наших дней³. Наконец, в 1957 г. Львовский университет выпустил первую часть курса истории русского литературного языка В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука, охватывающую период до XVIII в. включительно⁴.

Настоящий обзор не ставит целью дать детальный разбор названных выше работ украинских исследователей. Его задача — остановиться лишь на некоторых спорных моментах в освещении истории русского и украинского литературных языков и преимущественно древней поры, а также на некоторых принципиальных вопросах, связанных с построением этих пособий, с методом изложения материала.

Ошибочно, с моей точки зрения, решается в рецензируемых книгах вопрос о происхождении древнерусского литературного языка. Авторы стоят на позициях известной теории «самобытного» происхождения русского литературного языка, выдвинутой акад. С. П. Обнорским. Здесь, разумеется, не место детально рассматривать взгляды С. П. Обнорского на эти вопросы, однако, поскольку авторы рецензируемых книг полностью повторяют положения Обнорского и ссылаются на его точку зрения, необходимо коснуться некоторых сторон этой теории.

Ссылаясь на теорию С. П. Обнорского, обычно слабо учитывают ту эволюцию, которую она претерпела. В своей известной статье о «Русской Правде» С. П. Обнорский утверждал, что «русский литературный язык старшей формации был чужд как бы то ни было воздействию (разрядка моя. — В. Л.) со стороны болгарско-византийской культуры», что лишь позднее на этот литературный язык «оказала сильное воздействие южная, болгарско-византийская культура», причем это «оболгарение русского

литературного языка следует представлять как длительный процесс, шедший с веками crescendo»⁵. С. П. Обнорский не указывает, когда именно началось это воздействие болгарско-византийской культуры, но совершенно очевидно, что имеется в виду период после написания «Русской Правды» — по всей вероятности эпоха так называемого второго южнославянского влияния. Ведь самый этот вывод о самобытном образовании русского литературного языка основан лишь на том факте, что «Русская Правда», которая признается памятником «начального периода в истории образования собственно литературного русского языка»⁶, (периода, когда этот язык лишь начинал «свое собственное литературное развитие»), свободна от старославянского воздействия. «Анализ языка Русской Правды позволил облечь в плоть и кровь понятие... литературного русского языка старшего периода, — пишет С. П. Обнорский. — Его существенные черты — ...близость к разговорной стихии речи... и полное отсутствие следов взаимодействия с болгарской, общее — болгарско-византийской культурой»⁷.

Совершенно ясно, что в таком виде новая теория происхождения русского литературного языка не могла долго просуществовать. Отрицать наличие старославянского элемента в древнерусской письменности этого периода — дело совершенно безнадежное. Привлечение к анализу других памятников литературы древней Руси, например «Слова о полку Игореве», сочинений Мономаха, язык которых признается С. П. Обнорским принципиально тождественным языку «Русской Правды»⁸, не могло не заставить его в дальнейшем формулировать свои выводы более осторожно.

В «Очерках» С. П. Обнорского говорится поэтому уже не о полном отсутствии старославянского влияния, а об «очень слабой доле церковнославянского воздействия» на древнерусский литературный язык, причем отмечается, что эта доля «колеблется в зависимости от жанра памятника»⁹. Еще выразительнее сказано об этом в другой работе С. П. Обнорского, опубликованной в 1948 г., где признается, что «в книжных, церковных в широком смысле, жанрах» можно говорить о «широком лексическом воздействии церковнославянского языка»; «отсюда уже, — говорит далее автор, — некоторые пласты из церковнославянской лексики усваивались общим нашим литературным языком»¹⁰. Еще раньше, в статье о языке договоров с гре-

¹ «Курс історії української літературної мови», вип. I—XII, Київ, 1956—1957.

² «Курс історії української літературної мови», т. I (Дожовтневий період), Київ, 1958.

³ П. П. Плющ, Нариси з історії української літературної мови, Київ, 1958.

⁴ В. Б. Бродская, С. О. Цаленчук, История русского литературного языка, ч. 1, Львов, 1957.

⁵ С. П. Обнорский, Русская Правда, как памятник русского литературного языка, ИАН СССР, Серия VII, Отд. обществ. наук, 1934, № 10, стр. 776.

⁶ Там же, стр. 754.

⁷ Там же, стр. 774.

⁸ См. С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 6.

⁹ Там же, стр. 6—7.

¹⁰ С. П. Обнорский, Культура русского языка, М.—Л., 1948, стр. 13, 14.

камня, опубликованной в 1936 г., С. П. Обнорский объяснял наличие в договоре 945 г. старославянских элементов тем, что переводчик этого договора «должен был быть русский книжник, соответственно и отразивший в переводе смещение и русской и болгарской книжной стихии»¹.

Таким образом, характеристика русского литературного языка «старшей поры», которую мы находим теперь у С. П. Обнорского, ничем принципиально не отличается от традиционной. Ведь и раньше никто не утверждал, что старославянское влияние в одинаковой степени затрагивало все виды письменности. О восточнославянском облике «Русской Правды» и относительной непознательности церковнославянского элемента в «Слове о полку Игореве» писали еще в начале XIX в. Самое удивительное, однако, заключается в том, что С. П. Обнорский полностью сохранил свой тезис «о русской основе нашего литературного языка, а соответственно — о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности процесса проникновения в него церковнославянских элементов»².

Но для сохранения своего старого тезиса С. П. Обнорскому приходится теперь отнести образование этого самобытного русского литературного языка в глубь веков, задолго до написания «Русской Правды» или даже договоров с греками (которые, очевидно, уже не могут считаться памятниками «первичного» русского литературного языка), признать, что русский литературный язык зародился не в X в., а слагался «на протяжении предшествующих столетий»³. Этот «первичное» словжения, русский в своей основе» литературный язык, — по мнению С. П. Обнорского, — «соприкоснувшись в определенный исторический момент [теперь уже, разумеется, не в XIV в., а очевидно, не позже X.—V. Л.] с книжным болгарским языком, стал постепенно впитывать его особенности, обогащаясь особенно его лексикой, его фразеологией...»⁴.

Этот взгляд безоговорочно и бездоказательно принят авторами рассматриваемых в настоящем обзоре пособий. Картина образования и развития древнерусского литературного языка представляется в этих пособиях в следующем виде. За несколько столетий до принятия христиан-

ства и «здолго до создания Кириллом славянского алфавита» у восточных славян произошло «самобытное возникновение письменности-литературного языка»⁵. «И письмо у восточных славян, и литературный язык, который развивался на основе живой древнерусской речи, не были занесены извне, а появились в Киевской Руси в связи с экономическим и культурным развитием общества, были вызваны еще до принятия христианства потребностями этого общества»⁶. «В конце X в. в княжение Владимира было введено на Руси христианство..., а вместе с ним в Киевскую Русь пришли книги на церковнославянском (древнеболгарском) языке, написанные кириллицей». «Церковнославянский язык, придя в Киевскую Русь, встал, таким образом, рядом с существующим и уже более или менее обработанным древнерусским литературным языком». «В Киевской Руси древнерусский литературный язык и далее употребляется в светской литературе, а церковнославянский обслуживает в основном церковно-религиозную сферу жизни»⁷.

Авторы пособий ссылаются вслед за С. П. Обнорским на то, что русская письменность XI—XII вв. представлена не только памятниками старославянского языка, но и такими, которые основаны на народной речи и слабо связаны со старославянским влиянием. Они считают, что этот факт «убедительно доказывает, что в период начальной (разрядка моя.—V. Л.) основой литературного языка этого периода был русский (древнерусский) язык, причем этот литературный язык возник не в X в., а раньше и формировался в течение достаточно длительного времени»⁸. Остается тем не менее непонятным, каким образом относительная слабость старославянского элемента в определен-

⁵ П. П. Плющ, указ. соч., стр. 101.

⁶ «Курс історії української... мови», т. I, стр. 23. Здесь, впрочем, говорится о возникновении письменности в Киевской Руси, т. е. сравнительно поздно, во всяком случае, очевидно, не ранее IX в. [Ср. в книге П. П. Плюща (стр. 101), где автор вслед за С. П. Обнорским говорит о письменных формах литературного языка уже в антском, докиевском, периоде, в VI—VII вв.]

⁷ Там же, стр. 22—24; см. также в книге В. Б. Родской и С. О. Цалепчука: «Начиная с конца X в., старославянский язык на Руси становится литературным языком определенных жанров, связанных с церковной книжностью» (стр. 9). П. П. Плющ также говорит о том, что «развитие литературного языка восточных славян осложняется появлением на Руси старославянского (древнеболгарского) книжного языка», относя, однако, этот процесс уже к началу X в., к периоду до принятия христианства (стр. 108). Но где же доказательства существования древнерусского языка до начала старославянского влияния?

⁸ «Курс історії української... мови», т. I, стр. 23.

¹ С. П. Обнорский, Язык договоров русских с греками, сб. «Язык и мышление», вып. VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 102—103. См. здесь же утверждение С. П. Обнорского о том, что «перевод договора 912 г. был сделан болгаринином»; такое предположение, впрочем, рассматривалось еще в середине прошлого века И. Д. Беляевым и было им тогда же отвергнуто (см. записку И. И. Срезневского «О договорах князя Олега с греками», ИОРЯС, т. I, [вып. 7], 1852, стр. 315).

² Е го ж е, Очерки..., стр. 6.

³ Е го ж е, Культура русского языка, стр. 12.

⁴ Е го ж е, Очерки..., стр. 79.

ной группе памятников XI—XII вв. (при наличии наряду с этим произведений, основанных на старославянском языке) может служить доказательством существования самобытного литературного языка задолго до этого времени и почему эти памятники должны непременно рассматриваться как прямое продолжение традиций этого первичного литературного языка.

Такое предположение объясняется отчасти тем, что теория самобытного происхождения русского литературного языка опирается на чрезвычайно одностороннюю критику традиционного взгляда, представленного в формулировке А. А. Шахматова, согласно которой история русского литературного языка сводится к процессу длительного и постепенного проникновения русизмов в старославянский язык. Между тем уже А. Х. Востоков и И. И. Срезневский представляли себе взаимоотношения старославянской и русской стихий в древнерусской письменности совсем не так прямолинейно. В советское время в трудах А. К. Никольского, В. М. Истрина, В. В. Виноградова, Л. П. Якубинского, Г. О. Винокура и других исследователей раскрыта сложность процессов взаимодействия этих речевых стихий, приведших к образованию уже в ранний период развития русского литературного языка разных его стилей или типов. Стилистическую дифференциацию древнерусской письменности, наличие уже в XI—XII вв. памятников письменности, слабо связанных со старославянским языком и основанных на народной речи, естественно рассматривать как результат развития и усложнения возникшего первоначально на старославянской основе литературного языка, как следствие раннего применения усвоенной русскими книжниками письменности к народному языку. Здесь нет оснований искать традиций «доставославянского» письменного языка, как нет необходимости видеть в этом, подобно Л. П. Якубинскому, следы «культурно-языковой революции».

Нельзя при этом совершенно игнорировать и вопросы графики. При том понимании исторических отношений между разными типами или стилями древнерусского литературного языка, когда один из них объявляется продолжением традиций самобытного и издавна существующего на народной основе литературного языка, необходимо было бы предположить, что в какой-то период произошел поголовный переход развитой уже письменности на новый алфавит, который русские книжники усвоили как систему из старославянских памятников. Для подобных предположений нет пока никаких серьезных оснований. Поэтому странно видеть среди доказательств беспорочно существования на Руси письменнолитературного языка в период до проникновения старославянских памятников ссылку на берестяные грамоты. И если авторы «Курса истории украинского литературного языка», а также П. П. Плюц говорят о берестяных грамотах лишь как о свиде-

тельстве более широкого, чем это ранее предполагалось, распространения в древней Руси грамотности, в пособии В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука уже прямо говорится, что они «дают возможность утверждать, что письменность на Руси существовала еще до принятия христианства, до проникновения на Русь старославянского алфавита и письма» (разрядка моя. — В. Л.)¹. Каким образом написанные кириллицей, т. е. одним из «старославянских алфавитов», памятники могут свидетельствовать о наличии письменности до проникновения старославянского алфавита на Русь, остается загадкой². Еще удивительнее, что сторонники «самобытного» происхождения русского литературного языка любят ссылаться на Гнездовскую надпись начала X в., хотя она с очевидностью доказывает, что если была на Руси в начале X в. письменность, она опиралась уже на старославянское письмо (ведь Гнездовская надпись сделана тоже кириллицей).

Все показания такого рода могут лишь подтвердить уже ранее высказывавшуюся в русской науке мысль, что русские были знакомы с древнеболгарскими книгами по крайней мере за несколько десятилетий до официального крещения Руси. Об этом очень кстати напомнил в своем докладе на последнем съезде славистов В. В. Виноградов, сославшись на статью Б. Ст. Ангелова, напечатанную в «Трудах Отдела древнерусской литературы»³. Об употреблении письменности уже в начале и середине X в. говорят и известные договоры русских князей с греками — одно из наиболее выразительных свидетельств раннего усвоения русскими книжниками старославянского языка в качестве языка письменности.

Вслед за С. П. Обнорским авторы пособий приводят в качестве одного из главных доказательств существования русского самобытного литературного языка до начала старославянского влияния высокий уровень культуры Киевской Руси, с чем «не могла не быть связана и достаточно сложившаяся культура русского слова уже в раннюю пору»⁴. Особое место отводится при этом, естественно, литературе: «Появление в XI—XII вв. таких совершенных литературных произведений, как

¹ В. Б. Бродская, С. О. Цаленчук, указ. соч., стр. 16.

² Можно уже не говорить о том, что вообще не следует подменять вопрос о русском литературном языке вопросом о существовании на Руси каких-то форм письма в дохристианский период. Наличие несовершенных форм письменности, употребление каких-то письменных знаков для обозначения содержимого сосуда или записи имени умершего на могиле и т. п. не означает, что сложился литературный язык.

³ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 17—18.

⁴ С. П. Обнорский, Очерки..., стр. 7; см. также «Курс історії української... мови», т. I, стр. 23.

„Слово“ Иллариона..., произведения Владимира Мономаха или „Слово о полку Игореве“ и др., должно было опираться на длительную предшествующую культуру языка, могло быть только результатом длительного процесса, который начался еще до прихода в Киевскую Русь христианства и церковнославянского языка»¹. (Любопытно, что среди этих памятников, которые должны свидетельствовать о давнем существовании самобытного русского литературного языка, находим «Слово о законе и благодати» Иллариона — произведение, глубоко проникнутое как по языку, так и по приемам изобразительности болгаро-византийским влиянием.)

Аргументы такого рода не имеют серьезного значения. Высокий уровень материальной и духовной культуры народа не может служить доказательством самобытности и изолированности его литературного языка. Скорее наоборот: он предполагает достаточно широкие связи и взаимовлияния с культурами других народов, что должно способствовать органическому усвоению и использованию на определенном этапе развития уже готовых форм письменности. Кстати говоря, и культура Киевского государства (в частности, архитектура и живопись) достаточно отчетливо обнаруживает давние связи с Византией и другими странами и народами².

Высокий уровень литературного творчества на Руси XI—XII вв. является естественным результатом развития письменной литературы на Руси — как переводной, так и оригинальной — начиная с X в., и широкого использования давних традиций устного народного творчества. Без письменной литературы — в самом широком смысле этого слова — нет литературного языка. Исследователи не находят следов русской литературы ранее X в.³ Высокий уровень литературного творчества в XI—XII вв., наличие в этот период выдающихся литературных произведений не заставили исследователей древнерусской литературы «удревнять» русскую письменную литературу до аптского периода, хотя и побудило обратить пристальное внимание на роль устных традиций в развитии письменной литературы.

Только игнорируя реальную историю литературных языков многих народов Запада и Востока, можно объявлять (как это делают некоторые авторы) «неправдоподобным» и даже «антипатриотическим» само предположение о возможности возникновения древнерусского литературного языка под старославянским влиянием⁴.

¹ «Курсе історії української мови», т. I, стр. 23.

² См. В. Д. Греков, Киевская Русь, 1953, стр. 383, 396—397 и др.; Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы, М.—Л., 1952, стр. 121 и сл.

³ См. Д. С. Лихачев, указ. соч., стр. 111—118, 131—133, 159 и сл.

⁴ См. В. Б. Бродская, С. О. Цаленчук, указ. соч., стр. 17.

Следует заметить к тому же, что совершенно непонятно, почему положение об обусловленности и ассимиляции на русской почве старославянского языка выглядит менее «патриотичным», чем тезис об усилывающейся с веками болгаризации исконно русского, самобытного литературного языка.

*

Мы так подробно остановились на том, как освещен в рассматриваемых пособиях вопрос о происхождении древнерусского литературного языка, потому что в последние 10—12 лет теория самобытного происхождения русского литературного языка стала «общим местом» в учебных пособиях и научных исследованиях и излагается как нечто само собою разумеющееся, не требующее новых доказательств⁵.

Следует заметить, что влияние теории «самобытности» сказывается не только на объяснении исторических истоков разных типов литературного языка древней Руси, но и на способе описания этих стилистических разновидностей. Оно отражено в том факте, что если памятникам деловой письменности и светско-литературного типа уделяется определенное внимание, то книжнославянский тип древнерусского литературного языка по существу игнорируется и не описывается.

Неравномерность в описании разных стилей (типов) древнерусского литературного языка в рецензируемых книгах бросается в глаза даже при самом беглом взгляде. Из 14 страниц, отведенных в «Курсе истории украинского литературного языка» описанию языка письменных памятников киевского периода, церковно-книжной литературе отводится одна страница, причем половина ее посвящена «Поучению» епископа Луки (о котором говорится, что он тяготел к простым и народным русским формам выражения). О таких выдающихся памятниках книжного литературного языка, как «Слово» Иллариона и Проповедь Кирилла Туровского, сказано лишь, что эти произведения заметно отражают влияние церковнославянского языка. В то же время языку «Русской Правды» и древнерусских грамот отведено в «Курсе» 5 страниц. В книге В. Б.

⁵ Из новейших исследований см. ценную работу Н. А. Мещерского «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе», М.—Л., 1958, в которой, в соответствии с теорией С. П. Обнорского, многочисленные старославянизмы (если они признаются принадлежащими оригиналу XI в.) безоговорочно и бездоказательно объявляются результатом воздействия старославянского языка на вполне сложившийся на восточнославянской основе литературный язык (стр. 14—15, 121 и сл.). См. также Е. А. Василевская, Профессор А. М. Селищев как лингвист и его статья о языке «Русской Правды», «Уч. зап. МГУ им. В. И. Ленина», т. СХХХII. Кафедра русск. языка, вып. 8, 1958, стр. 49—50.

Бродской и С. О. Цаленчука описание церковнокнижного стиля (собственно только «Слова» Иллариона) занимает несколько большее место, но также совершенно недостаточное; при этом, указав на церковнославянскую основу языка «Слова» Иллариона, авторы начинают совершенно непонятную полемику с Л. П. Якубинским, заметившим, что «Илларион ясно отличал... свой разговорный язык от литературного церковнославянского языка». «Надо полагать, — пишут авторы, — что ...митрополит Илларион был хорошо знаком не только со старославянским, но и с русским литературным языком, с языком «Русской Правды»¹. Следует ли это понимать так, что язык Иллариона выключается из понятия «русский литературный язык»?

Вообще надо заметить, что в книге В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука обнаруживается какая-то странная «боязнь» старославянских элементов в русском литературном языке. О них говорится вскользь, как бы «с извинениями». О «Слове о полку Игореве», «Поучении» Мономаха и «Молении» Даниила Заточника, обследованных С. П. Обнорским, в книге говорится, что «старославянизмы либо полностью отсутствуют, либо имеют в незначительном количестве». И далее: «Если же они обнаруживаются, то при детальном изучении оказываются позднейшими наслоениями, внесенными переписчиками при списывании с оригинала». Авторы признают, что язык сочинений Мономаха представляет собой «яркое свидетельство взаимодействия русского литературного языка в ранний период его развития с языком старославянским», но тут же в сноске это признание снимается утверждением (со ссылкой на С. П. Обнорского), что «церковнославянские элементы в языке сочинений Мономаха могли быть результатом позднейших наслоений»². При рассмотрении языка «Слова о полку Игореве», занимающем в книге более 3 страниц, о славянизмах говорится буквально следующее: «... имеются и некоторые старославянизмы: *лоно, очи* и др.». И дальше: «В „Слове“³, кроме отмеченных выше, имеются и некоторые элементы церковнославянского языка, в частности неполногласные формы: *крамола, влатъ* и др., церковнославянские союзы (*аще*)»⁴. Даже в «Слове» Иллариона «образные выражения — русские по характеру и содержанию» (?)⁴.

Это постоянное стремление подчеркнуть в древнерусском литературном языке в соответствии с теорией «самобытности» лишь то, что объединяет его с разговорной речью, эта тенденция умалить значение и место собственно книжного элемента естественно приводят к тому, что история древнерусского литературного языка, как верно заметил В. В. Виноградов, «сливалась и смешивалась с историей общена-

родного разговорного восточнославянского языка и утрачивала специфику своего предмета, все более и более отдаляясь от понимания внутренних закономерностей развития именно литературного языка» (разрядка моя. — В. Л.)⁵. Ярким примером такой утраты предмета может служить, например, замечание В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука о том, что «наибольшую ценность» как источник русского литературного языка древнего периода «представляют памятники документально-делового стиля, так как они с достаточной полнотой запечатлели разговорную речь восточных славян и дают нам весьма четкое представление о ней»⁶. Таким образом, ценность источника как памятника литературного языка, по их мнению, определяется тем, в какой степени запечатлена в нем разговорная речь, а сам предмет и задача истории литературного языка, оказывается, сводятся к тому, чтобы «дать четкое представление» об этой разговорной речи. При таком подходе, естественно, грамоты оказываются более ценным источником для суждения о характере древнерусского литературного языка, чем произведения Иллариона и Кирилла Туровского, Житие Бориса и Глеба и даже «Слово о полку Игореве».

Этой тенденцией проникнута вся книга. Для московского периода всячески умалется роль и место книжного языка, по существу отрицается так называемое «второе южнославянское влияние», а риторический слог «плетения словес» возводится к «русским образцам», в частности к «стилистике киевского проповедника Иллариона», причем умалчивается об истоках последней⁷. В XVII в. книжнолитературная речь, оказывается, употреблялась лишь в жанрах, «распространяемых реакционным духовенством», или в пародийно-сатирических целях. О Петровской эпохе говорится, что «церковнославянизмы во многих случаях не входят органически в языковую ткань (? — В. Л.) и на общем фоне языка, впитывающего множество иностранных слов и выражений, выглядят резко контрастно»⁸. Даже Сумарокова авторы упрекают в том, что язык его произведений «еще далек от народного в полном смысле этого слова», в них «еще слишком много славянизмов». «Недостаточность народноразговорных средств в языке А. П. Сумарокова, — говорится далее, — явилась следствием его мировоззрения, ограниченного в классовом отношении, его реакционных взглядов «на крепостное право, на тяжкую долю закрепощенных крестьян»⁹.

⁵ В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 36.

⁶ В. Б. Бродская, С. О. Цаленчук, указ. соч., стр. 29.

⁷ Там же, стр. 56, 59.

⁸ Там же, стр. 75, 77—78, 89.

⁹ Там же, стр. 154.

¹ В. Б. Бродская, С. О. Цаленчук, указ. соч., стр. 41.

² Там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 37—38.

⁴ Там же, стр. 56 (сноска).

Отсутствие интереса к книжным традициям в истории литературного языка, к истории и трансформациям церковнославянского языка на русской почве вообще характерно для работ по истории восточнославянских литературных языков, созданных в последние годы, в частности и для рассматриваемых в настоящем обзоре пособий (впрочем менее всего для работы П. П. Плюща). Перед историками русского и других восточнославянских литературных языков стоит сейчас насущная задача устранить этот пробел: необходимо более всестороннее и гармоничное изучение литературного языка.

*

При оценке работ по истории литературного языка важно определить, какой круг памятников привлекается для характеристики различных стилей или типов литературного языка, а также выявить принципы и методы описания извлеченного из этих памятников языкового материала. Представляется бесспорным, что не каждый памятник и ст о р и я языка может рассматриваться как памятник и ст о р и я л и т е р а т у р н о г о я з ы к а. Так, вряд ли целесообразно привлекать для характеристики русского литературного языка древнейшей поры культовую богослужебную литературу: русские списки евангелия, псалтыри и т. д. Ведь мы имеем здесь дело с механической перепиской старославянского оригинала; встречающиеся в этих текстах русизмы — лишь бессознательные описки, ошибки писца, отражающие некоторые особенности его живой речи. Эти ошибки представляют ценный материал для суждения о живой восточнославянской речи, но они не дают основания видеть в этих памятниках «представителей» русского литературного языка, образчики его «литургического стиля», как мы это находим, например, в курсе А. И. Ефимова. Упоминание о богослужебной литературе в одном ряду с действительными памятниками древнерусского литературного языка, которое мы обнаруживаем в рассматриваемых пособиях¹, думается, неправильно. Это, разумеется, не относится к таким поздним богослужебным книгам, как известное Пересопницкое евангелие (XVI в.), где мы имеем дело по существу с переводом евангелия на украинский язык.

С другой стороны, не следует, очевидно, учитывать при характеристике литературного языка те письменные источники, которые представляют собой лишь фиксацию живой разговорной речи, не получившей литературной обработки. Так, огромное культурно-историческое значение новгородских грамот побудило исследователей, без достаточных оснований, включить тексты, содержащие частную переписку древних новгородцев, в состав памятников древнерусского литературного языка. По-

чти в этом отношении был сделан А. И. Ефимовым еще в первом издании его книги «История русского литературного языка», где язык берестяных грамот рассматривается как особый «эпистолярный стиль» древнерусского литературного языка. Учитывая, очевидно, критику этого положения², А. И. Ефимов в новом, 3-м издании своей книги (1957) несколько усилил свою аргументацию, однако, как мне представляется, без заметного успеха; в то же время утверждения автора стали несколько осторожней и умеренней: он говорит уже лишь о некоторых «элементах „образованности“» в этих памятниках, о том, что они «дают лишь некоторое представление о ф о р м и р о в а н и я х э п и с т о л я р н о г о с т и л я» (стр. 75). При большей последовательности в выводах следовало бы совсем отказаться для древней Руси от так называемого «эпистолярного стиля».

Вряд ли можно считать удавшейся попытку защитить характеристику берестяных грамот как памятников литературного языка, которую предпринял Н. А. Мецкерский³. Обнаружение в том или ином тексте отдельных слов или форм, характерных для книжного языка (а доказательство Н. А. Мецкерского строится исключительно на таких находках), разумеется, ничего здесь принципиально не меняет. В конце концов, такие «заимствования» из литературного языка были, несомненно, возможны и в разговорной речи.

В рецензируемых книгах язык берестяных грамот также уделяется некоторое внимание. В «Курсе истории украинского литературного языка» описание «языка частной переписки» стоит в одном ряду с описанием языка «Русской Правды», летописи, «Слова о полку Игореве», «Поучения» Мономаха, т. е. в ряду памятников разных стилей древнерусского литературного языка, впрочем без какого-либо упоминания об «эпистолярном стиле». В книге В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука, напротив, на стр. 16 находим упоминание о «Древнейших формах эпистолярного стиля», хотя в дальнейшем, при характеристике древнерусского литературного языка, этот материал и не привлекается.

Вопрос о круге памятников, привлекаемых для характеристики литературного языка, имеет первостепенное значение для построения истории литературного языка, так как он связан с определением самого объекта исследования — литературного языка, с его отграничением от смежных явлений и категорий. Разумеется, этот вопрос остается актуальным и для более поздних периодов в истории литературного языка. Так, следует признать правильным, что А. И. Ефимов отказался в новом изда-

² См. мою рецензию на эту книгу (ВН, 1955, № 5, стр. 142).

³ См. его статью «Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка» («Вестн. ЛГУ», 1958, № 2). Критический разбор этой статьи см. в упоминавшемся уже докладе В. В. Виноградова (стр. 21—24)

¹ См.: «Курс истории украинської ... мови», т. I, стр. 38—39; П. П. Плющ, указ. соч., стр. 112—113; В. Б. Бродская и С. О. Цаленчук, указ. соч., стр. 39.

нии своей книги от описания языка указов Пугачева, имеющего очень слабую связь с нормами литературного языка своего времени (на 156 стр. книги В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука этот материал все же представлен).

Говоря о круге привлекаемых для анализа письменных памятников, важно оставаться также и на методе, способе описания извлеченного из них материала. Применительно к древнему периоду в «Курсе истории украинского литературного языка» и в «Истории русского литературного языка» В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука характеристика состояния литературного языка дается как с у м а о п и с а н и й з ы к а о т д е л ь н ы х п а м я т н и к о в; наличие предваряющего эти описания введения, излагающего некоторые общие вопросы, связанные с развитием литературного языка этого времени, не меняет положения.

Такой метод ко многому обязывает, он ставит перед автором задачу добиться того, чтобы эти описания были однотипны и отличались целеустремленностью, чтобы они в своей совокупности очерчивали систему литературного языка данного времени — систему, скрепленную внутренними связями и отношениями. В значительной степени удалось достигнуть такой целеустремленности авторам «Курса истории украинского литературного языка», хотя не все описания и характеристики древнерусских и староукраинских памятников представляются здесь вполне удачными (см., например, очень поверхностный анализ «Поучения» Мономаха, совершенно неудовлетворительное описание памятников церковно-книжной письменности, о чем уже выше говорилось, и др.). Хуже обстоит дело в «Истории русского литературного языка» В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука. Характеристики языка памятников построены здесь на случайном материале, отличаются упрощенностью и непоследовательностью в изложении. Невозможно получить более или менее отчетливое представление о языке памятника, в частности о соотношении в нем старославянских и восточнославянских элементов, а тем более — о сходстве или отличиях между языком различных памятников, представляющих разные типы или стили литературного языка. Так, говоря о языке летописи, авторы отмечают лишь одну морфологическую черту, указывающую, по их мнению, на книжное влияние, — наличие аористов и имперфектов, и одну форму, связанную с живой речью, — род. падеж ед. числа на -у (*середѣ полку*). Можно предположить, что эти формы являются особенно выразительными и существенными при характеристике литературного языка Киевской поры. Но далее ни в одном описании других памятников они даже не упоминаются. Для Мстиславовой грамоты русский характер грамматических форм иллюстрируется только наличием формы на «ять» вместо ст.-слав. на «юс малый», и об этой черте авторы затем начисто забывают и более о ней не упоминают. При рассмотрении сочинений Монома-

ха для демонстрации «взаимодействия русского литературного языка... с языком старославянским» привлекаются уже новые факты грамматики — родительный падеж прилагательных на -аго и 2-е лицо глагола на -ши¹. Остается предположить, что другие памятники, в частности те, которые не испытали заметного влияния старославянского языка, не знают, например, форм на -аго, но общеизвестно, что это предположение было бы ошибочным. Здесь же, при описании языка Владимира Мономаха, неожиданно встречаем указания, что «широко представлена в языке Мономаха категория двойственного числа», употребляются звательные формы, «слова со свистящими *ц, з, с* на месте заднеязычных *ж, к, х*», «а также окончание -и (не „ять“) в дат.-местн. пад. существительных мягкого различия: на *кони, земли, перяславли*»². Трудно понять, почему эти нормальные формы древнерусского и старославянского языков упомянуты именно в связи с «Поучением» Мономаха и вообще какую цель преследуют авторы, привлекая этот материал³.

В синтаксисе летописи почему-то обращено внимание на беспредложные конструкции и конструкции с двойными падежами, которые при этом связываются с «книжной стихией»; впрочем первая из этих черт упоминается еще и для «Слова о полку Игореве», но уже — вместе с дательным принадлежностью и родительным разделительными — как характеризующая «грамматический строй русского языка». Кстати сказать, «Слово о полку Игореве» анализируется уже совсем по иной схеме, чем остальные памятники. Здесь, например, указывается, что глаголы в «Слове» выражают движение (*ехать, лететь* и т. д.), военные действия (*стрелять, биться* и др.), «различные звуки» (*шумит, звенит* и под.), что «ярки и красочны прилагательные», приводятся некоторые изобразительные приемы и т. п.⁴

Само собой разумеется, что такое рассмотрение языка памятников по случайно и произвольно выхваченным явлениям

¹ См. В. Б. Б р о д с к а я и С. О. Ц а л е н ч у к, указ. соч., стр. 31, 33, 35.
² Там же, стр. 35.

³ Источник — в слепом копировании исследования акад. С. П. Обнорского, который указывает для Мономаха эти формы, а также и некоторые другие, например: местоимения *ми, ти, си* и под., «нормальное использование форм имперфекта и аориста», «родительный-винительный в значении объекта лишь от имен» и т. д. Не может не вызвать удивления, что все эти факты, общие для старославянского и восточнославянского языков, рассматриваются как такие, которые позволяют характеризовать язык памятника «как русский во всей своей основе, во всем своем облике» и противопоставлять его языку старославянского (см. «Очерки», стр. 78; см. на стр. 126 о «Молении» Даниила Заточника).

⁴ В. Б. Б р о д с к а я, С. О. Ц а л е н ч у к, указ. соч., стр. 37.

несколько не проясняет наших представлений о древнерусском литературном языке. Более последовательно проводятся по разным памятникам наблюдения над некоторыми лексическими группами, характеризующимися в русском и старославянском языках отличиями, восходящими к старым фонетическим процессам, например полногласные и неполногласные слова, слова с начальными *о* и *е*, *с* и *щ* и т. д. (авторы упорно называют это фонетикой). Однако и здесь много неточного и произвольного. Так, в этот ряд вовлекаются слова с *ж* и *жд*, хотя известно, что в древнейший период они не создавали стилистических отличий и что наличие *ж* вместо ст.-слав. *жд* характерно для литературного языка в целом (см., например, проповеди Кирилла Туровского, Успенский сборник). Поэтому указание на слова с *ж* в «Русской Правде» и летописи совершенно не убедительно (впрочем эту же ошибку делают и авторы «Курса истории украинского литературного языка»). Указания на неполногласные и полногласные слова (куда ошибочно отнесено и слово *серебро*) слишком общи и не могут создать правильного представления об употреблении этих словарных дублетов.

Следует добавить, что сказанное выше о бессистемности описания языка разных памятников древнейшей поры, о случайности в отборе материала в книге В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука в общем приложимо, хотя и в несколько меньшей степени, и к анализу языка текстов XIV—XVII вв., а также в значительной степени и языка текстов XVIII в.

*

В «Курсе истории украинского литературного языка» большое место занимают очерки, содержащие анализ языка и стиля крупнейших деятелей украинской литературы нового времени. Можно вообще поставить под сомнение правомерность этих разделов в курсе истории литературного языка, особенно если они занимают почти 350 страниц из 450, посвященных языку нового времени. А если учесть, что и общие обзоры, предваряющие детальное описание языка отдельных писателей, по меньшей мере наполовину также посвящены языку и стилю писателей, то придется признать, что задачи описания истории литературного языка оказались вытесненными задачей описания языка писателей.

Подмена описания явлений литературного языка как цельной системы анализом языка отдельных писателей могла бы быть до некоторой степени оправдана, если бы этот анализ давался в контексте литературного языка в целом, служил бы прежде всего материалом, характеризующим историю самого литературного языка. Однако именно эта сторона языка писателя освещена в наименьшей степени; исключение составляет, пожалуй, только глава о языке Шевченко. Основное внимание в главах, посвященных языку писателей, уделено таким вопросам, как «образные средства»,

«способы типизации», «приемы стилизации», «ритм прозы» и т. д. Надо признать, что эти трудные вопросы освещены во многих главах интересно и содержательно — они поэтому могли бы быть полезны как отдельные очерки о языке и стиле украинских писателей. Наши сомнения касаются лишь правомерности включения их в курс истории литературного языка.

Действительно, имеют ли прямое отношение к истории литературного языка наблюдения вроде следующего: «Творчество Свидницкого обогатило реалистические языковые средства изображения в украинской художественной прозе... Свидницкий умело отбирал языковые средства социально-психологической характеристики персонажей, используя специальную лексику и фразеологию разных социальных групп общества (духовенства, чиновничества..., бурсаков и др.)»¹. Надо заметить, что и те разделы в этих главах, которые посвящены как будто вопросам собственно литературного языка, тоже, как правило, повернуты в сторону индивидуального стиля писателя. Так, в разделе «Лексика» в главах о языке Глебова, Неучуй-Левицкого и др. дается тематическая классификация слов, связанная с тематикой произведений писателя. О Неучуй-Левицком говорится далее, что в произведениях из деревенской жизни он «старается как можно меньше употреблять иностранные слова. Впрочем и здесь мы встречаем такие интернациональные слова, как *алея*, *этаж*, *рафінад*, *тераса*... В повестях же из жизни интеллигенции... писатель, напротив, широко использует иноязычную лексику...: *абстракцій*, *емпірей*, *енергія*, *консервативний*...»². Очевидно, что этот материал был бы полезен и в плане истории литературного языка, если бы была раскрыта употребительность этой лексики в общелитературном языке того времени. Это относится и к грамматическим наблюдениям. Так, во многих очерках приводятся такие грамматические особенности языка писателя, которые не закрепились впоследствии в литературном языке³, но читателю неясно, в каком отношении находятся эти формы к нормам литературного языка того времени, каково их место в истории литературного языка.

В настоящем обзоре нет никакой возможности даже в самом общем виде рассмотреть помещенные в «Курсе» очерки о языке и стиле украинских писателей. Несомненно, однако, что при всех своих положительных качествах, при всей их полезности они тем не менее выглядят в курсе истории литературного языка в значительной мере как посторонний материал, как чужеродное тело.

Как уже выше говорилось, настоящий обзор не ставил целью дать более или менее

¹ «Курс історії української... мови», т. I, стр. 423.

² Там же, стр. 447.

³ См. там же, например на стр. 409, 422, 450, 467.

обстоятельный разбор рецензируемых книг. Для этого потребовалось бы несравненно больше места. Поэтому в обзоре остались не отмеченными многие ценные стороны рассмотренных выше пособий. Так, специального разбора заслуживает представляющая значительный интерес теоретическая вводная глава в книге П. П. Плюща, содержательный раздел о явлениях литературного языка второй половины XIX — начала XX вв. в «Курсе истории украинского литературного языка», разделы о развитии литературного языка в западных областях Украины и мн. др. В рецензируемых книгах по истории украинского литературного языка много свежих и интересных наблюдений, они вводят в научный оборот значительный новый материал. В то же время можно было бы указать в этих книгах и на ряд неверных или неточных положений более или менее частного характера. Изобилует ошибками, недосмотрами, странными формулировками пособие В. Б. Бродской и С. О. Цаленчука. Все это, однако, могло бы стать предметом отдельной, более подробной рецензии.

В. Д. Левин

«Atlasul lingvistic român», Serie nouă, vol. I—II (vol. I: VIII стр., 274 карты, 7 табл.; vol. II: VII стр., карт 275—622, 7 табл.). — Ed. Acad. RPR, 1956.

Сбор материалов для «Румынского лингвистического атласа» был начат еще в 20-х годах. Работа велась по двум вопросам, на основе которых должно было быть две параллельных части атласа. Первая часть (руководитель С. Поп) создавалась на основе краткого вопросника (3100 вопросов), по которому было обследовано большое количество пунктов (301). Вторая часть (руководитель акад. Э. Петрович) готовилась на базе расширенного вопросника (4800 вопросов), по которому обследовали ограниченное число пунктов (85). Хотя полевой сбор материалов был закончен еще в середине 30-х годов, румынским языковедам не удалось обработать и издать эти материалы. Из десяти запланированных томов в 1938—1942 гг. увидели свет только два тома первой части «Атласа», один том второй и соответственно три тома цветного «Малого атласа».

В последние годы Клужский филиал Института языкознания Румынской Академии наук возобновил под руководством акад. Э. Петровича обработку и публикацию оставшихся материалов второй части. Первые два тома новой серии имеют лексико-тематическое построение. В первом томе даны термины полеводства, садоводства, виноградарства и др., во втором отражена терминология животноводства, птицеводства и ремесел. Поскольку диалектные варианты картографированы в фонетической записи, они могут быть использованы также для решения ряда историко-фонетических и фонологических вопросов. Словообразование и грамматика почти не представлены. Вышедший почти одновременно

«Малый атлас» (содержащий 422 карты) в основном повторяет материал указанных томов. Он построен на иной, более наглядной методике картографирования (цветные условные знаки)¹.

В «Атласе» широко используется комментирование основного ответа информаторов (на полях карты). В новой серии применена специально приспособленная для передачи румынского диалектного фонетизма транскрипция, которой пользовались составители довоенных выпусков атласа. Сами карты, их комментарии, а также весь подсобный аппарат выполнены с большой тщательностью.

Материалы новой серии «Атласа» еще раз указывают на значительный удельный вес славянизмов в румынской диалектной лексике (ср. разделы, связанные с полеводческой и ремесленной терминологией). Вместе с тем следует отметить, что румынские диалектные лексические варианты часто сопрягаются с диалектными вариантами в соседних славянских языках. Ср. рум. *plaz* (карта 22) — болг. *плаг* (Стойков², вопр. 204); рум. *hotar*, *hat* (карта 4) — болг. *хат* (Стойков, вопр. 182) и др. В связи с этим было бы целесообразным провести анкету планируемого общеславянского лингвистического атласа и в балкано-романских областях.

Присоединяясь к общей положительной оценке, которую получила новая серия «Атласа» в лингвистической печати³, мы позволим себе высказать и некоторые критические замечания: 1) во введении следовало бы подробнее рассказать о построении вопросника, методике сбора материала и его обработке; 2) в «Атласе» нужно было включить не только материалы, собранные на территории РНР, но и данные по пунктам, находящимся за пределами Румынии (Югославский Банат, Молд. ССР). Это особенно легко было бы сделать, если учесть, что такими материалами редколлегия располагает; 3) сетка «Атласа» слишком редка. При такой редкой сетке (85 пунктов по 237 502 км², т. е. 1 пункт на 2794 км²) трудно провести даже приблизительные изоглоссы и определить ареалы диалектного явления; 4) «Атлас» несколько упрощает и схематизирует диалектную синонимию и семантические соотношения внутри лексических микроструктур. Общеизвестно, что, с одной стороны, кажущиеся на первый взгляд совершенно однозначными термины в действительности имеют разные стилистические, семантические оттенки и фразеологические возможности. С другой стороны, одно и то же слово дает в разных

¹ «Micul atlas lingvistic român», Serie nouă, vol. I—II, 1956.

² См. Ст. Стойков, Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас, София, 1957.

³ Ср. рецензии Д. Макря (см. «Limba română», № 3, 1956, стр. 80—83), М. Сала (см. «Studii și cercetări lingvistice», t. VIII, 1, 1957, стр. 101—112) и Г. Корреар (см. «Word», vol. XIII, № 2, 1957, стр. 380—381).